

НЕУЛОВИМАЯ

для спецagента

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛИНА САВЕЛЬЕВА

18+

Алина Савельева

Неуловимая для спецагента

«Автор»

2026

Савельева А.

Неуловимая для спецарента / А. Савельева — «Автор», 2026

Цена одной ошибки. Он вернулся спустя год. Но больше не был тем влюбленным парнем, совершающим ради меня безбашенные поступки. Он не смог меня простить. Не смог забыть предательства. Зачем же он снова преследует меня? Зачем так мучает? Впрочем, упиваться местью ему осталось недолго. Теперь моя очередь исчезнуть на год или навсегда.

© Савельева А., 2026

© Автор, 2026

Алина Савельева

Неуловимая для спецагента

Аннотация

Он вернулся спустя год. Но больше не был тем влюбленным парнем, совершающим ради меня безбашенные поступки. Он не смог меня простить. Не смог забыть предательства. Зачем же он снова преследует меня? Зачем так мучает?

Впрочем, упиваться местью ему осталось недолго. Теперь моя очередь исчезнуть на год... или навсегда.

Глава 1. Ника

«Я ненавижу тебя!» — закричала девушка и с необъяснимой для такого хрупкого создания силой ударила кулаком по зеркалу.

Ее миловидные черты лица исказились до неузнаваемости. В некогда ярких и живых серо-голубых глазах застыли отчаяние и боль. Гримаса ярой ненависти к самой себе, казалось, навсегда осталась в появившихся от удара трещинах зеркала. Из зажатой в кулак руки сочилась кровь, но она не замечала этих ран, ведь дикая агония внутри поглощала ее сознание полностью».

С того дня прошел ровно год. Целый год ада, в который я сама себя погрузила. Каждый день, приходя домой и уходя из него, я на несколько секунд застывала у этого зеркала в прихожей, пытаюсь понять, утихает ли эта болезненная ломота, меняется ли что-то внутри. Появляется ли хоть что-то, что позволит мне выйти из этого состояния отвращения к себе, вернет хоть ненадолго ту улыбчивую, жизнерадостную Нику с розовым румянцем на молочно-белой коже и шикарной копной каштановых волос.

Копна никуда не делась, как бы я не драла ее в моменты острых приступов отчаяния, но стала заметно менее ухоженной. Просто потому что я перестала уделять своей внешности столько внимания и ухода, сколько было раньше. Теперь я выгляжу как замызганная алкоголичка со стянутыми в тугий хвост, потерявшими блеск волосами. Мое лицо осунулось, стало серым. Под глазами залегли черные тени, будто я не сплю уже год. Единственное отличие в том, что помню, как ежедневно мыться и чистить зубы. Однако загадка в том, что я не пью с той самой ночи совсем. Ни капли.

— Ника! Что за новую цивилизацию ты создаешь в микроволновке? — донесся до меня возмущенный возглас мамы со стороны кухни.

В последнее время визиты мамы стали настолько частыми, что я подозревала ее в желании упечь меня в психушку, пока я не учудила чего-то похуже заплесневелых продуктов.

Сморщив нос, я виновато побрела за нравоучениями.

— Какую еще цивилизацию? — поинтересовалась я, впрочем, уже догадываясь, что мама обнаружила очередной мой ужин, который я поставила разогреваться и забыла съесть.

— Судя по запаху, не очень дружелюбную, — выкидывая в мусорный пакет нечто зеленое, пенистое и вонючее, буркнула мама.

— Ну так перестань заказывать сюда все эти готовые обеды, чтобы потом не выкидывать, — пожалала я плечами, перекалывая ответственность на маму за чрезмерную опеку над взрослой дочерью.

Мама только вздохнула, скорее всего, устав за этот год бороться со мной и пытаться вернуть к прежней жизни.

А я знала, что прежней она уже не будет. В моей жизни больше нет и не будет беспмятно влюбленного в меня мальчишки Илюши, что с самого детства не давал мне прохода. Не будет его шкодной улыбки, когда он нагло воровал меня с моих свиданий с Алексом. Не будет восхитительно романтических сюрпризов и подарков, за которые я его ругала и требовала прекратить, а втайне радовалась им и с нетерпением ждала следующей выходки Ильи. Я больше никогда не увижу эти темно-синие глаза, глядящие на меня со слепым обожанием и восхищением.

Ничего этого больше не будет, и мне некого винить в этом, кроме самой себя.

В ту злополучную ночь, когда после отвязной пьяной вечеринки за мной и моим на тот момент парнем Алексом захлопнулась дверь в спальню, Илья поставил точку в многолетней борьбе за меня и мою любовь. Занеся тяжелый кулак над дверным полотном и громким ударом прощаясь со мной навсегда. Кажется, этот момент был самым болезненным моим воспо-

минанием. На глаза сразу начали наворачиваться слезы, и я поспешила отвлечься от мыслей, прислушавшись к тому, что говорит мама.

— Ника... тебе нужно остановиться, девочка моя, — продолжала свою бесперспективную борьбу мама. — Хватит себя казнить, Ника. Выбирайся из своей раковины, милая. Ты молодая, красивая девушка, а живешь, как отшельница. Мир такой интересный и разнообразный! Хочешь, мы с папой тебе кругосветное путешествие оплатим?

Ого. Кажется, мои родители тоже близки к отчаянию, раз папа готов не только раскошелиться, но и отпустить меня на целый год в кругосветку.

— Спасибо большое, мам, но вы опоздали со своим предложением. Через месяц я уезжаю работать в Африку по заданию редакции, — улыбнулась я на этот раз искренне, даже не пришлось изображать оптимизм и воодушевление.

Они и так присутствовали. Я целый год добивалась от главреда перевести меня на должность военкора и отправить на самый опасный континент, погрязший в войнах. Как мне казалось, именно туда отправился Илья, учитывая его способности и тягу к спасению всего человечества.

— О, я тоже была в Африке, когда училась на пятом курсе! — отвлеклась мама от направления меня на путь истинный и предалась воспоминаниям.

Слушая маму, как обезопасить себя от всяких коварных тропических зараз, я все больше убеждалась, что хочу туда поехать. Наверное, я была уже на том пороге отчаяния, когда мне необходимо вырваться из окружения, из города, где все напоминает об Илье. Начиная с его родителей, что дружат с моими, заканчивая Останкинской башней, которую Илья подсветил на мой день рождения красными сердечками с поздравлением.

— Смени уже это зеркало, Ника! Невозможно на это смотреть! Хочешь, я тебе новое куплю, с модной подсветкой? — в тысячный раз попросила мама, уходя из моей квартиры.

— Нет, — так же твердо, как и в предыдущие разы, ответила я. — Это зеркало останется здесь, и это не обсуждается, ты же знаешь.

В других зеркалах я вижу лишь замызганную, неухоженую мышь с тусклым взглядом и потрескавшимися от нехватки витаминов губами. И только это зеркало, испещренное трещинами, с микроскопическими остатками крови на краях, способно показать ту, которую я ненавижу всем сердцем, всей душой. Ту, отражение которой я помню за секунду до того, как ее лицо в этом зеркале исказила гримаса лютой ненависти, дикой, на грани сумасшествия, за секунду до того, как стекло вздрогнуло от удара, покрывшись такими же кровоточащими ранами, как и моё сердце.

Проводив маму, я снова погрязла в своих размышлениях. Несмотря на то, что за этот год я уже сотни раз переваривала и переосмысливала всё от начала до конца, я все равно не могла понять, почему была настолько глупа и слепа.

Тогда, принимая предложение Алекса встречаться, я думала что это рациональный, правильный выбор. Ведь только с Алексом я могла быть самой собой. Отношения с ним были спокойными, безопасными и прозрачными. Тогда как одно присутствие Ильи вызывало во мне бурю чувств. От волнения до страха.

Алекс хладнокровный, малоэмоциональный и рассудительный парень, для которого нет необходимости скрываться за масками — он повелитель жизни, наследник огромной империи корпораций Браун. Ему не нужны уловки, не нужно чье-то одобрение. И я ему была нужна лишь как трофей, чтобы утереть нос Сумарокову Илье — хулигану и задире, что с детства допекал Алекса своими выходками.

— Сомнительный трофей, — хмыкнула я, разглядывая беспорядок в комнате.

Когда-то я была перфекционисткой, любящей порядок во всем. Много уделяющей внимания не только собственной внешности, но и окружающим меня вещам. Любила идеальную

чистоту, свежесть и много света. Теперь же я стала безразличной абсолютно ко всему. И яркому свету предпочитаю полный мрак.

Полюбил бы меня Илья, если бы увидел сейчас? Конечно нет. Какому мужчине в своем уме нужна такая неряха и грязнуля, которая вспоминает об уборке, только начиная спотыкаться о разбросанные вещи? Или когда мама найдет очередную “цивилизацию”, забытую мной в холодильнике, микроволновке, на плите. Иногда даже, в дни особых эмоциональных качелей, под кроватью.

Я не знаю, за что Илья любил меня и тогда, год назад. Лишь помню, что боялась подпустить его ближе. Его любовь казалась мне иллюзией, которая ненадолго завладела его разумом. И стоит ему узнать меня поближе — он непременно разочаруется. Ведь сам он идеален. Темноволосый красавец с глубоким взглядом темно-синих глаз. Который пронизывает настолько, что, кажется, способен прочесть твои мысли. Отлично сложен и не пренебрегает не только спортом, но и особыми тренировками отдела специального назначения, где он трудился до того, как исчез в неизвестном направлении. Хотя, собственно, мы все догадываемся, что как раз и исчез, напросившись в какую-то очередную горячую точку на шарики работать. Он умный, добрый, щедрый и романтичный. А я? Я дрянь и тупица.

— Если ему это помогло убежать от себя, то, может, и мне поможет? — задала я сама себе вопрос, доставая чемодан с антресоли.

До моего отъезда еще целый месяц, но мне не терпится собрать вещи и законсервировать моё зеркало в этой квартире, до того как я вернусь и попробую увидеть там другую Нику.

Глава 2. Илья

— А они похожи на тебя... — задумчиво произнесла Эйна, привалившись спиной к стволу зонтичной акации.

— Были похожи, — поправил я её, приложив бинокль к глазам и пристально вглядываясь в поднимающиеся клубы дыма в двух километрах от нас.

— Хотя теперь они настоящие призраки, а ты Призрак-самозванец, — хмыкнула моя боевая подруга, придумав дурацкую шутку с моим позывным.

— Не нарывайся, — беззлобно проворчал я, пристально наблюдая за клубами дыма на горизонте.

Осиное гнездо, самый настоящий бандитский картель, взлетел на воздух полчасика назад, но всё ещё продолжал детонировать вторичными взрывами. Что неудивительно, учитывая то количество вооружения, каким был напичкан этот рассадник чумы, охватившей государство на западном побережье Африки.

Рабство. Большинству людей на планете сложно будет поверить, что оно до сих пор существует на некоторых клочках планеты. Даже меня многое из увиденного шокировало. Богатейшая природными ресурсами страна, с прекрасными возможностями для туризма, морской торговли и рыболовства, остается одной из беднейших стран мира. Население этого клочка земли не только нещадно грабят, вывозя золото, алмазы, ценные минералы, но и используют для добычи местных жителей в качестве самых настоящих рабов.

Эйна одна из немногих, кому удалось получить неплохое образование в этой застрявшей в прошлом цивилизации. Только потому что ее отец француз, приехавший разорять эту страну и развлекаться с местными экзотическими красавицами. Помесь крови колонизатора и рабыни позволила произвести на свет потрясающе красивого темнокожего ребенка с интеллектуальными способностями много выше большинства народа Мавритании. Однако всё же уклад жизни в этой нищей стране не позволял Эйне раскрыться полностью, и во многом она оставалась диковатой.

— Связи нет, — достав из рюкзака передатчик, сообщила мне Эйна, разгибаясь и встряхивая огромной копной пружинистых кудрей. — Переходить по пустыне опасно, нас заметят.

— Будем выбирать через мангровые леса, — кивнул я в сторону густых зарослей.

— Я думала, что с тобой меня ждет меньше опасностей, а не наоборот, — хмыкнула Эйна, намекая, что мое предложение ей не нравится. — Ты на свою окровавленную ногу всех крокодилов соберешь.

— Ну ты же можешь сварганить из крокодила царский ужин? — дурашливо спросил я, стараясь подбодрить Эйну.

Несмотря на то, что она выросла в этих местах и об опасностях знала не понаслышке, всё же марш-бросок в очень сложных условиях не всякая девчонка преодолеет.

Ника тут бы и двух метров не прошла, теряя сознание от страха наступить на африканскую гадюку или подцепить малярию. Нежная и избалованная принцесса не прожила бы и двух дней в Африке. Этот вывод мгновенно сковырнул незаживающую рану. Мысли о том, что с ней что-то случится, вызывают адскую боль в, казалось бы, навеки зачерстевшим сердце.

Я встряхнул головой, прогоняя воспоминания о той далекой и неприступной девчонке с ледяными голубыми глазами, которую не в силах забыть до сих пор. Ту, которая оставила зияющую дыру в моей груди. Сегодня ровно год с того дня, когда жизнь в моей душе остановилась. Теперь я просто солдат. Мертвый внутри. И мне нравится таким оставаться. Циничным, грубым и бесчувственным. Ничего общего с тем слюнтяем, что носился как умалишенный за той, которая этого не заслуживала.

— Если после всего, что между нами было, ты не женишься на мне, то ужин я сделаю из тебя, — шутливо ответила Эйна. — Пойдем, солдат Призрак. Скоро стемнеет, вода в мангровых лесах поднимется выше и идти станет ещё труднее.

Эйна подошла ко мне, помогая встать и опереться на самодельные костыли, которые она же и смастерила из веток раскидистой зонтичной акации.

— Все, что между нами было, содержится в уставе нашей организации, Эйна. Взаимопомощь и командная работа сослуживцев редко заканчивается свадьбой, — на всякий случай возразил я, хоть и был уверен, что Эйна шутит.

Я знаю, что нравлюсь ей, но это просто специфический эффект длительного времени, которое нам пришлось провести вместе. Легкая влюбленность, и не более того.

Она, конечно, очень красивая, смелая и целеустремленная девушка. Воплощение экзотической мечты многих мужчин. И, разумеется, она способна осчастливить любого мужчину своим покладистым характером и высокой выносливостью в любых условиях. Но не меня.

С Эйнрой мы скитались ещё двое суток, прежде чем выбрались к вершине, с которой уже были видны тусклые огни ее деревни.

— Ну что, бунтарка. Вот ты и дома, — приобняв за плечи Эйну, сообщил я, указывая направление. — Сейчас слишком темно и опасно. На рассвете выдвигаемся.

— Ты думаешь, что теперь у нас все будет по-другому, Илья? Ведь этого Мавжуда и его шайки больше нет. Мы сможем жить свободно? — с яркой вспышкой надежды в черных колдовских глазах спросила Эйна.

Как бы мне ни хотелось дать Эйне положительный ответ, к сожалению, до процветания этой стране ещё бороться и бороться.

— Нет, моя неукротимая Эйна. Мавжуд был лишь маленьким винтиком в этой ужасной колониальной системе. Настоящие мрази сидят в шикарных кабинетах и управляют такими, как Мавжуд издалека.

Моя шоколадная девочка расстроилась ответом. Сев на торчащий из земли валун, она насупившись, смотрела вдаль, где раскинулись земли ее умирающего в нищете племени. В племени коренного населения, которое веками истязает и угнетает «белый человек», принесший на их земли много горя.

— Скажи мне их имена, Илья. Ты погрузишь меня в транс, и я смогу наложить на них проклятье вуду, — рвалось юное сердце к сражению до последнего вздоха.

— Иди сюда, Эйна, — позвал я девушку к сооруженному наспех ночлегу.

Сил на добротный шалаш у меня попросту уже не оставалось. Боюсь, что завтра Эйне снова придется тащить меня на себе часть пути, ведь оставить меня одного она отказывается.

— Вуду не поможет, бунтарка. За ними стоят очень большие силы. Они как Гидра — срубишь одну голову, на ее месте вырастают две новых.

— Кто такая Гидра? — положив голову мне на плечо, спросила Эйна.

Пришлось углубляться в мифологию, но зато сработало, как сказка на ночь. Эйна уснула, а я продолжал таращиться в усыпанное звездами небо. В Москве такого не увидишь. Засохшие сотни лет назад деревья, раскаленный песок пустыни и каменистые равнины. Все это осветил яркий свет звезд, которые гипнотическими спиралями закрутились на ночном небе. На протяжении многих километров ни огней населенных пунктов, ни смога. Поэтому воздух здесь необыкновенно прозрачный.

— Илья? Но ты ведь можешь заставить их взорвать себя, как Маджуда и его людей? — сквозь сон выдвинула очередную оригинальную идею Эйна.

— Нет, моя маленькая бунтарка. Там так нельзя. В том мире совершенно другие правила. Все другое. Даже небо.

Эйна снова замолчала, и я уже тоже прикрыл глаза, как неугомонная снова отчебучила:

— Ты ведь теперь должен уехать в этот другой мир?

— Да, — недовольно нахмурил я брови, когда Эйна требовательно вцепилась в воротник моей спецовки в ожидании ответа.

— Ты должен взять меня с собой! — на одном выдохе выпалила Эйна, округлив глаза настолько, что я провалился в эту черную бездну.

Глава 3. Ника

Конец лета в Москве как вечер воскресенья — вроде еще можно наслаждаться отдыхом, но будильник, заведенный на шесть утра, уже портит настроение. Я не любила зиму совсем, даже со всеми её снежными развлечениями и любимым праздником большинства людей. Была бы моя воля, я бы проводила в Москве время только с мая по сентябрь, а все остальное предпочла бы работать откуда-нибудь, где солнышко остаётся тёплым и не нужно упаковываться в три слоя одежды, прежде чем выйти на улицу.

Конечно, далеко не эта причина была для меня основной, когда я подала заявление на перевод в отдел международных новостей. Но тоже являлась весомой. Поэтому я снова торчала в кофе-пойнт, за тонкой стенкой которого находился кабинет главреда. И с присущей хорошим журналистам наглостью подслушивала её разговор с основным учредителем нашего СМИ.

— Зона, где не иссякают вооруженные конфликты, не место для юных хрупких особ, Вера Павловна! — упирался Гладких, не желая видеть меня в рядах военкоров.

— А где, по-твоему, ей место? Её эмоционально-депрессивные статьи способны и детский утренник превратить в скандальный случай жестокого обращения с детьми! — огрызалась Вера, скорее всего, притащив черновик моей заметки для колонки о жизни города.

А в чем я не права? Далеко не все дети хотят участвовать в этих мероприятиях. Не все могут чувствовать себя комфортно на сцене под прицелом глаз кучи незнакомых взрослых людей с такими дурацкими улыбками на лицах, что впору вызывать санитаров.

— Мероприятий, что ли, в России мало? Пусть хоть звёздное бельишко выворачивает, хоть общественно значимые политико-экономические форумы освещает. Ты не понимаешь, что толкаешь девчонку на верную гибель? Гуманитарная катастрофа, военные столкновения, обнищавшее население, дошедшее до ручки и готовое убивать за кусок хлеба, мафиозные кланы, запрещенные товары, похищения людей. Она не проживет там и двух дней.

— Да, но и здесь Липнова мне тоже не нужна! Звёздные тусовки? Ты когда последний раз видел Нику? Она же превратилась в тень! Ни на одном форуме ей не выпадет шанс задать вопрос, просто потому что её не замечают люди! Живые репортажи от неё только исключительно по горячим точкам. Вот там она акула пера. Она настолько погружена в эти темы мировых очагов, что даже аналитики международники к ней бегают за информацией!

— Делать репортажи, сидя в удобном кресле офиса, и собирать информацию в самом эпицентре не одно и то же, Вера Павловна! Там мужики не выдерживают, а ты хочешь эту орхидею из теплицы на мороз!

— Она ходит на курсы самозащиты уже полгода. К тому же она ведь будет работать не одна, а в команде с опытными сотрудниками, под охраной, — буркнула Вера, но Гладких только пренебрежительно фыркнул.

Черт возьми, я понимаю, что все эти уроки самообороны меня не спасут, если я нарвусь на вооруженную банду, но что я ещё могу предпринять?

К сожалению, что он ответил, мне услышать не удалось, так как в этот момент в тесную комнатунку кофе-пойнта протиснулся наш фотокорреспондент Виталик. Увидев мой расстроенный вид, коллега прислушался к разговору за стенкой и сделал свои выводы.

— За что она тебя так ненавидит? — услышав обрывки фраз продолжающегося спора, поинтересовался у меня коллега.

— А за что ей меня любить? — небрежно повела я плечом.

— Ты молодая, красивая, амбициозная... может, она ревнует? Или боится, что Гладких назначит тебя на её место, поэтому с таким рвением упорствует? Чтобы избавиться от конкурентки? — тут же заподозрил Веру в грязных инсинуациях наш новенький, который не знал меня другую.

Он пришел в наш медиахолдинг недавно и не знал, что когда-то сюда на стажировку, а потом и на работу пришла веселая, жизнерадостная и привлекательная девушка, энергия в которой была ключом. Наверное, именно поэтому, в отличие от старожилов, он воспринимал меня такой, какая я есть сейчас. Не имел возможности сравнить со мной ту Нику, образ которой навсегда остался запечатанным в разбитом зеркале.

— Спасибо за комплимент, — изобразила я мягкую улыбку, парень ведь не виноват, что мне на них плевать.

— Может, сходим пообедать вместе? Поболтаем, — обрадовался Виталик моей фальшивой реакцией, сразу переходя в атаку.

— Конечно, с удовольствием. Только в другой раз, ладно? Сегодня много дел, — кивнула я, разумеется, обманывая.

Навык технично отшивать парней я приобрела достаточно давно. И в другой раз, и в третий, и в пятый я снова найду причину, чтобы «перенести» ненужную мне встречу. Наверняка кто-то скажет, что честнее было сразу обозначить границы, но мой опыт подсказывал, что отказы не работают совсем.

Я сотни раз говорила «нет» Илье, но он не воспринимал мои слова всерьез, не верил аргументам. Он был настоящим сталкером, преследующим меня по пятам. Повсюду. И, как мне кажется, этим и пугал. Хотя до панических атак меня ужасало в нем иное... До дрожи, до липкого холода, струящегося по спине. Один взгляд темно-синих глаз был способен ввергнуть меня в оцепенение. Особенно когда я не успевала о чем-то подумать, как Сумароков реализовал мои желания, будто мысли читал. И каким бы ни был последовавший за этим романтический сюрприз, было неуютно от того, что от Ильи не спрятаться, не скрыть самые сокровенные тайны или мечты, которые есть у каждого человека. То, что люди оставляют только для себя, никогда не открывая это даже самым близким. В такие моменты мне становилось не по себе, вызывая желание бежать от него. Бежать как можно дальше.

— Значит так. Остаться в уютном кресле Ника не хочет. Избавить меня от её извечно-тоскливого выражения лица ты отказываешься. И что мне с ней делать? Уволить? — повысила голос Верочка, вернув меня из давно минувшего прошлого.

— С ума сошла? — воскликнул Гладких, и мой рот искривился в усмешке.

Не уволит. Слишком зависит личное благосостояние нашего учредителя от множества спонсоров, которых я к нему привела.

Конечно же, эти возгласы слышал и Виталик, который к тому же имел возможность оценить и мою реакцию.

— Эм... я тут наговорил лишнего, Ник, ты извини меня, — засуетился фотограф, решив, что Гладких отстаивает меня неспроста.

— Всё нормально, Виталь, — отмахнулась я, не потрудившись даже оспорить его подзрения.

Мне, как всегда, на всё плевать. Вывалять меня в грязи больше, чем это сделала я сама, ни у кого нет шансов. Какими бы обширными талантами они ни обладали. Всё-таки я журналист с профильным образованием и опытом. Коллекция эпитетов, коими я «баловала» себя весь год, не идет ни в какое сравнение с высказываниями даже плохо воспитанных людей.

Повисла неловкая пауза. Только Виталик, торопящийся сделать себе напиток и слить, нервно барабанил пальцами по жужжащей машине. Видимо, он успел пожалеть о своем приглашении и судорожно размышлял, как теперь избегать встреч со мной в пространстве офиса.

Спасла бедственное положение несчастного наша общая начальница — главред Верочка. Смерив хмурым взглядом шлындающего по директорским пойнтам фотографа, Вера подбоченилась в дверях. Не став испытывать терпение руководителя, Виталик просочился мимо Веры, так и не дождавшись свой напиток.

— Всё слышала? — строго спросила меня Вера Павловна, давая понять, что прекрасно понимает, чем я тут занимаюсь с утра пораньше.

— Нет. Фотографы в твоём королевстве слишком навязчивы и болтливы, — ответила я, и не думая избегать недовольного взгляда, сверлящего моё лицо.

— Других не держим, — согласилась Вера и сделала пару шагов к машине, оповестившей писком, что кофе для Виталика готов.

Нахально забрав чужой напиток, Вера Павловна уперлась своим роскошным задом в столешницу и осторожно сделала глоток. Я молча наблюдала за ней, ожидая вердикт.

— Я принизила все твои достоинства, наврала с три короба о твоей некомпетентности, оспорила все доводы Бориса. В общем, сделала всё, что смогла, Ник, — с грустью глядя на меня, произнесла Вера. — Чувствую себя такой гнусной змеей, коварной дрянью, жестоко поступающей по отношению к подруге.

— Не говори так, Вера! Ты ведь знаешь, что для меня это важно. Можешь придумывать всё что хочешь, только дай мне это место, — тихо, но твердо попросила я продолжать закапывать мои перспективы в других нишах журналистики. — Я не выдержу тут больше. Этот город меня убивает, слышишь?

— Иди сюда, дурочка моя, — Вера поспешно отставила кофе, обняв меня так крепко, будто мы уже прощаемся в аэропорту. — Я буду ненавидеть себя за это всю оставшуюся жизнь. Две недели тебе на то, чтобы пройти обследование, сделать прививки и собрать чемоданы.

Знаю, что ей непросто далось это решение. Ещё более тяжело было каждый раз закатывать наигранные истерики своему любовнику — Гладких Борису — чтобы помочь мне получить место военкора на одном из самых опасных клочков суши на шарике.

— Надеюсь ты найдешь своего Илюшу, и вернешься домой, — прошептала мне в ухо Вера.

— Я не собираюсь его искать, — буркнула я.

И это правда. Намеренно рыскать по джунглям и пустыням — идея, достойная премии Дарвина. Однако это никогда не мешало мне представлять нашу случайную встречу где-то среди черных валунов на берегу океана.

— Угу. Верю, — отстранившись от меня, насмешливо ответила главред, глядя на меня сквозь поблескивающие слёзы в глазах.

Глава 4. Илья

Раскаленный воздух дрожал над асфальтом. Над холмами вокруг старого военного аэродрома не было ни единого облака. Легкий ветерок разносил запах выжженной солнцем травы.

Для большинства людей на нашей скрытой военной базе это был обычный день, обычная пятница, похожая на десятки других. Но не для меня и Эйны. Сегодня я прощаюсь с этой маленькой страной в южной части Африки, с этой дикой первозданной природой, таящей в себе несметные сокровища и смертельные опасности. Моя боевая подруга Эйна, наоборот, меняет знакомый вид нищих лачуг в родной деревне со всех сторон обьятой труднопроходимыми джунглями, на незнакомый и по-своему для неё опасный континент. Где уже очень давно главной угрозой для всех и вся стал человек.

— В твоей стране все белые, как ты? — задавала Эйна мне волнующие её вопросы, несмотря на то что просидела две недели в интернете, пока я отлеживался в госпитале с ранением.

— У нас многонациональная страна, но ты, скорее всего, не увидишь разницы. В большинстве ты будешь встречать людей, похожих на меня, — ободряюще улыбнулся я.

— Таких как ты больше нет, — возразила Эйна, окуная меня в омуты своих темно-карих глаз. — Ты особенный. Твой разум поцелован духами покровителей и твою душу охраняют божества.

Не совсем так, конечно, но особенными способностями я обладаю. В основном благодаря науке. Я слышал подобную оценку от Эйны много раз, но именно сейчас меня насторожили и интонация, и взгляд этой девчонки.

А в нашей ситуации эти сигналы очень опасны. В России я буду единственным знакомым ей человеком, и этот факт, несомненно, усложнит наши взаимоотношения, склонив их в нежелательную мне сторону.

— Эйна... Я уже говорил тебе. Я одиночка, понимаешь? Меня не интересуют отношения. Мы с тобой можем быть только друзьями и точка, — максимально строго и бескомпромиссно обозначил я, желая договориться об этом на берегу.

— Я знаю. И не претендую ни на что, кроме дружбы, мистер Призрак, — заверила меня Эйна.

— Я надеюсь ты не заставишь меня пожалеть о том, что взял тебя с собой, — продолжая пристально на неё смотреть, нахмурился я.

— Да хватит меня сканировать, Илья, своими синими лазерами! — засмеялась Эйна. — Я замуж вообще не собираюсь! Я посвящаю свою жизнь борьбе ради свободы своего племени и всех других угнетенных народов моей страны.

— Так-то лучше, — удовлетворенно кивнул я.

В самолете я попытался уснуть, но мысли о предстоящем возвращении домой роились в голове, словно стервятники, раздирая мой мозг. Свадьба моей родной сестры Сашки была главной причиной, по которой я возвращаюсь. Но не она занимала львиную долю моих мыслей.

В последнее время мне казалось, что я отпустил Нику. Изменившееся к ней отношение — от слепого обожания до холодного презрения, — казалось, стерло из моего сердца эту так и не покорившуюся мне девчонку. Но стоило мне сесть в самолет до Москвы, я начал думать о ней каждую секунду. Думать о том, что обязательно встречу её и Алекса на свадьбе сестры, ведь круг общения у наших родителей сложился ещё до нашего рождения и с тех пор не менялся.

Не переставал думать о том, что, несмотря на сожженные мосты, несмотря на пройденную точку невозврата, меня почему-то необратимо тянет снова увидеть её. Просто убедиться, что она в порядке. Сам не понимаю, почему от этой мысли внутри нарастает тревога, выдав-

ливая воздух из лёгких. И это мешало дышать, будто всю жизнь она была моим кислородом и за прошедший год без неё мой баллон почти пустой.

Благо вся эта рефлексия отпустила меня, едва я спустился с трапа самолета на родную землю. Прекрасный теплый московский август был настоящим подарком после года в четырех милях от экватора.

Суэта. Первое, что врывается в голову, когда возвращаешься в Москву после длительного пребывания в богом забытых уголках планеты. И если я был готов окунуться снова в кипящую жизнь мегаполиса, то Эйна была напугана и ошарашена.

Бесстрашная в бою, отважная и решительная Эйна превратилась в маленького испуганного щенка. Всё время хватала меня за руку, сжималась вся, как будто хотела спрятаться от чего-то. Смотрела широко распахнутыми глазами по сторонам и выглядела одновременно потрясенной и готовой отразить любую атаку. Слишком навязчивым таксистам лучше держаться подальше.

Идея поселить Эйну в отеле была решительно отброшена в сторону. Не зная языка, не понимая уклада жизни города, она попросту не сможет нормально существовать одна. Придется какое-то время побыть ее опекуном. Благо мои родители с радостью согласились предоставить ей комнату в своём доме.

Возвращение в любящую семью всегда сверхэмоциональное и радостное событие. Моя семья именно такая. И родители и сестра буквально задушили меня в объятиях и тут же засыпали вопросами о моей поездке. Однако быстро поняли, что далеко не всё я могу рассказать даже им, и перешли к нейтральным расспросам, которые напрямую не касались моей профессиональной деятельности.

— А правду говорят, что недра этой страны напичканы сокровищами? — любопытствовала мама.

— Отчасти, но все более-менее хорошие месторождения принадлежат кланам или иностранным корпорациям. И те и другие попросту грабят и без того нищее население, используя рабский труд в этих шахтах и вывозя все добытое за пределы государства.

Эйна, разумеется, ни слова не понимала по-русски, но та дружественная и приятная атмосфера в которую она окунулась, позволила ей расслабиться и молча поглощать предложенную за столом пищу.

— Шахты? А я читала, что там алмазы прямо в песке находят люди на побережье, — ответила мама. — А сапфиры в устьях горных рек сами прыгают к тебе в руки, стоит лишь спуститься.

— Ох уж и сорока ты у меня, — улыбнулся отец. — Лишь бы камушки какие новенькие в шкатулку принести. Вон сын тебе другое сокровище привез, — бросил папа короткий взгляд на Эйну.

Затем его взор обратился в мою сторону. Тёплый оттенок иссиня-черной радужки глаз отца тут же стал пронзительно холодным. И я, конечно, считал его вопрос без слов, едва заметно качнув головой, отрицая его предположения.

— Правильно, братик. Ломай систему! Воруй цыган! — расплылась в шкродной улыбке моя сестра Сашка.

— Саша! — возмущенно одернула мама Саньку.

Но только хотела сделать замечание, как из прихожей послышался голос жениха моей сестры:

— Ты готова, mon amour?

Через секунду этот хлыщ соседский по имени Антуан Бертран — а в нашей тусовке просто Тоха — вошел в кухню, продолжая мурлыкать что-то на своём втором родном языке, приложив смартфон к уху.

Никто из нас, включая Сашку, не успели и рта раскрыть, как внезапно Эйна, услышавшая чистый вражеский язык без намёка на акцент — какой она слышала лишь от самых ненавистных врагов у себя дома, вскочила со стула, стискивая в руке вилку так, что побелели кости, и воинственно взирая на Тоху так, будто готова распустить его на ремни этой самой вилкой.

Я, конечно, дурак, что забыл предупредить Эйну о лягушачьих корнях жениха моей сестры, но ведь и моя боевая подруга не вчера родилась и прекрасно знает, что простые люди не желают зла её стране, а лишь небольшая группа так называемой элиты.

— Ты что, ненормальная! — первая спохватилась Сашка, вставая и пытаясь загородить собой своего ненаглядного.

Эйна вздрогнула, словно очнулась. Вилка из её руки выпала, со звоном шлёпнувшись на керамическое покрытие пола.

— Я... Простите... сэр... — впервые в этом доме прозвучал голос Эйны.

Я даже не обратил внимания, что она молчала всю дорогу от аэропорта до дома в мучительном напряжении. И, войдя в дом, просто улыбалась, не произнося ни слова. Лишь интуитивно подчиняясь приглашениям пройти то в гостинную, то на кухню. А мы все так заболтались, загалделись, соскучившись друг по другу, что Эйна отошла на десятый план.

— Понимаете... вы говорите... ваше произношение точно такое же, как у этих богатых ублюдков, которые используют мою страну как бесплатную кормушку, а коренных жителей превратили в рабов, — попыталась оправдаться Эйна и, несмотря на её грубый акцент, Тоха её понял.

— Кто? Я богатый ублюдок? Да ты что! Мы бедные люди! — возмутился наследник огромного капитала, соврав не моргнув и глазом.

Родители молча наблюдали за происходящим, хотя мой отец, конечно, мог вмешаться в любую секунду и уговорить всех разом так, чтобы больше nepовадно было выяснять отношения так шумно в его доме. Сашка же, напротив, продолжала нервничать, скорее всего, ни слова не поняв из того, что говорила Эйна.

— Что надо этой шоколадке от тебя? Вы что, знакомы? — потребовала она ответа от жениха.

— Нет, откуда? — округлил глаза Бертран.

— Остынь, Сань, — решил вмешаться я. — Эйна до сих пор не встречала ни одного порядочного француза. Все сплошь захватчики, грабящие её страну и повергающие народ жить в нищете. Всех, включая собственного отца, она считает бесчеловечными животными, роскошно живущими за счет украденных ресурсов.

Санька перестала хмуриться, возвращаясь на свое место за столом, лишь пробурчала в ответ:

— Ты переведи ей там, что никакие мы не роскошные, а самые обычные. Скажи же, Тох?

После того, как уже безоружная Эйна успокоилась, Бертран тоже заметно расслабился, отвечая Саше уже на русском:

— Конечно, любовь моя. Мы обычные. Вон у нас и садовник бедный, и дворецкий нищий. Чистильщик бассейна вообще в одних трусах! — дурашливо развел руками Антуан и наконец-то смог поздороваться со мной. — Здоров, бродяга! Надолго домой?

— Здоров, бедолага, — улыбнулся я, обнимаясь со старым приятелем. — Надолго. Успею тебе надоесть.

Глава 5. Ника

Ночи в августе ещё теплые, но уже не такие душные, как в июле. В это время года я любила оставаться допоздна в старом особняке четы Царевых-Норфолков, расположенном в тихих узких улицах старой Москвы. Один из немногочисленных домов в стиле московского модерна начала девятнадцатого века невероятным образом затерялся среди современных многоэтажек и дарил ощущение уединения в центре многомиллионного города. И всё благодаря уникальной архитектуре здания, построенного таким образом, что на первую линию улицы выведено лишь крыльцо, а жилая часть утопала в зелени, со всех сторон окруженная небольшим старым садом.

— Никусь, давай по кофейку? — вышла на просторную уютную террасу Милена, где я устроилась с книгой в электронном планшете.

Да, мне тоже нравится листать бумажные носители, вдыхать запах типографской краски, бумаги и клея. Но мне не нравится их хранить. Читаю я много, перечитываю лишь редкие экземпляры и тонны макулатуры попросту создают в моём и без того свинском пространстве лишнюю нагрузку. Поэтому львиная часть моей библиотеки хранится в одном тонком устройстве.

— Ты же знаешь, что от кофе я никогда не отказываюсь, — улыбнулась я, забирая мягкое покрывало, которое заботливо протянула мне подруга.

— Супер, пойду сварю. Посижу с тобой, поглазею. Может, пойму, почему ты ради этих видов готова два часа по пробкам ко мне тащиться.

— У каждого свой взгляд на мир, — махнула я рукой, показывая, что не стоит вникать в чужие причуды.

Для меня это особенное время, когда поздним вечером над набережной повисает тихая, обволакивающая атмосфера. Город засыпает, загораются фонари, разливая по улицам янтарный свет. Волшебный коктейль из света, звуков и запахов.

И укутаться в плед с чашкой кофе, погружаясь в этот момент, когда можно замедлиться, поймать тот самый чистый вайб, созерцая акварельную симфонию и вдыхая терпкие ароматы последних дней лета, — это лучшее, на что можно потратить время.

В лучах закатного солнца терраса превратилась в старинную драгоценную шкатулку: витражные стекла отбрасывали причудливые блики на тяжелую столешницу из тикового дерева, на основательные глубокие кресла в викторианском стиле.

— Ёжики пушистые! Я же свечи ароматические купила специально для твоих этих медитаций! — водрузив на стол поднос с кофейником и чашками, засуетилась подруга, снова скрывшись за раздвижными дверями веранды.

Милена с виду нежный и хрупкий цветочек, внутри же убойное комбо, состав которого знать смертельно опасно. Но с тех самых пор, как её одомашнил один залётный гастролер, она словно расцвела, сменив тяжелые берцы на пушистые тапочки, а тактический костюм на шёлковую пижаму.

Пока подруга создавала особенную атмосферу для наших посиделок, я налила нам кофе и, взяв свою чашку в руки, довольно улыбалась, уверенная, что ничто не сможет сегодня испортить настроение.

— Новость слышала? — расположившись в кресле напротив, спросила Милена.

— Я журналист, милая моя. Я их создаю, — укоризненно посмотрела я в серые глаза напротив.

И именно эти глаза были первым звоночком, что сегодня будет не простая болтовня двух подруг. Взгляд, который ещё недавно излучал лишь радушие гостеприимства, стал жёстким, цепким и сосредоточенным. Такой я Милену знала с детства. Эти серые сканеры способны

все внутренности перетряхнуть в поисках нужной информации. Даже замужество и рождение ребенка не смогли искоренить в теперешней бизнесвумен бывшего криминалиста и профайлера.

— Никусь, послушай, ты знаешь, что я никогда не лезла в душу. Но мы же дружим с детства, и не заметить, как ты изменилась за этот год, было сложно. Я не знаю, что у вас с Алексом там произошло и почему вы расстались, но не стоит хоронить себя из-за какого-то парня.

Милый детектор лжи настолько пристально выжигал дыру в моей черепушке, что не оставляло сомнений — всё это ворошение прошлого годичной давности неспроста, и речь пойдет вовсе не о изменившемся образе столичной штучки на стиль серой мыши.

— Нормально мы расстались с Алексом, ты же знаешь. Теперь мы просто друзья, и нас обоих это устраивает. Так что за новость? — догадалась я, что это хождение вокруг да около Милена устроила лишь для того, чтобы подвести меня к главному.

— Давно вы с ним виделись? Знаешь, что наш принципиальный борец с офисными блуднями замутил с собственной секретаршей или ассистенткой, не помню точно должность? — изучающий взгляд подруги уже начал меня напрягать.

За этот год у Алекса было столько женщин, что мы все давно сбились со счёта. Но учитывая то, что Браун никогда не отступал от своих принципов и не заводил шашней с подчиненными, новость действительно была сногсшибательная. И то, что именно эти отношения из вороха других интрижек Алекса привлекли внимание нашего личного профайлера Милены, говорили о многом.

— Я была у него в офисе пару недель назад, и видела его новую ассистентку. Мне она показалась очень милой, — ответила я, надеясь что моя искренность успокоит Милену и она не будет волноваться, что я пушусь во все тяжкие от этой новости. — Правда, Милен. Я буду очень рада, если нашлась наконец та, что смогла растопить нашу ледяную глыбу.

Улыбнувшись, я сделала глоток уже остывающего кофе, полагая, что вопрос закрыт и новость Милены оказалась не такой уж шокирующей сенсацией для меня.

— И то, что сегодня аристократичный профиль нашего хладнокровного вампира подпортил Илья Сумароков, ты тоже знаешь? — приподняв идеальные брови, уточнила Милена.

Прозвучал вопрос таким будничным тоном не потому что Алексу каждый день фейс поправляют, — не так уж много шансов дотянуться через стену личных телохранителей, а скорее потому что Милена хотела получить мой ответ не словами, а тем, что невозможно подделать, будучи не готовым.

И она его получила. Чашка кофе в моей руке дрогнула, и я поспешила вернуть её на твердую поверхность стола. В моих конечностях никакой твердости и уверенности не осталось. Руки дрожали из-за вулканического взрыва внутри, спровоцированного всего одной мыслью: «Он вернулся!»

Противоречивые эмоции захлёстывали меня с нарастающей силой. Прежде всего, я, конечно, была рада, что Илья вернулся здоровым и невредимым — раз сумел нанести увечья Алексу, в этом нет сомнений. Моя нервная система, за этот год превратившаяся в клубок высоковольтных линий, искрящихся от напряжения, внезапно расслабилась, породив бесконтрольный тремор.

— Я так и думала, — удовлетворенно констатировала Милена мой провал конспирации. — Вот кто сводит тебя с ума всё это время, а вовсе не расставание с айсбергом бездушным.

— Он вовсе не сводит... — хотела было я начать оправдываться, но поняла всю бесполезность подобных усилий.

— Ну да, а в собственную тень ты превратилась из профессиональных соображений. Так ловчее вынюхивать сенсации, — отмахнулась Милена, дав понять, что не поверит ни единому моему слову. Всё, что ей было интересно, она уже увидела.

Откинувшись на спинку кресла, подруга задумчиво разглядывала утопающую в тени набережную. Конечно, созерцала она эти виды не из любопытства — ей они доступны ежедневно. Милена просто дала мне время прийти в себя и успокоить скачущие мысли.

— Это всё уже неважно. Через две недели я улетаю в рабочую командировку. В другую страну. Надолго.

Милена тут же потеряла интерес к пейзажам, поворачиваясь ко мне, и, кажется, набирая побольше воздуха в грудь, чтобы выпалить с возмущением:

— Вы издеваетесь? Нет, ты серьезно? Ладно, этот сталкер слонялся за тобой, сколько я себя помню! Ладно, ты украдкой наблюдала за ним, думая, что никто не видит! Ну играли бы в эти свои ролевые игры дальше! Чего вы оба решили-то географию своей любовной путаницы расширять? То один исчез в песках африканских, словно призрак, теперь ты решила в прятки поиграть?

Ах вот как это всё выглядит со стороны. Ну, буду знать. Спорить-то, конечно, не собираюсь и доказывать никому и ничего тоже.

— Всё в прошлом, Милен. Никакой путаницы давно нет. Мы с Алексом уже год не вместе, у него вот там апокалипсис в юбке в офис просочился, с твоих слов. Илья и я никогда и не были парой... так, что-то непонятное витало между нами, да и оно растворилось давно. Никаких прятков, это просто моя работа.

Произнося это, я действительно верила, что всё обстоит именно так. Но где-то в глубине души, где-то в потаенных уголках сердца знала — это что-то никогда не растворится. Необъяснимая связь и притяжение сопровождали нас с Ильёй с самого детства. Ещё с тех пор, как этот отъявленный хулиган и дворовый забияка доводил всю нашу компанию до иступления. Всех, кроме меня. Я всегда была за незримой стеной его защиты. И особо нежное ко мне отношение отмечали все вокруг. Кроме меня. Я боялась его до дрожи в коленях.

— Две недели... — нахмурилась Милена. — То есть сразу после свадьбы Сашки и Тохи?

— Эм-м... вылет в эту же ночь. Так что я, наверное, не пойду на их свадьбу, — поставившись придать своему лицу вид будто я очень сожалею о такой накладке, промямлила я.

— А, ну понятно. Вот сейчас прямо сильно верю, что всё между вами кончено. Ага, — саркастически заметила Милена. — Именно поэтому ты будешь теперь намеренно избегать с ним встреч. Ну потому что ничего не ёкает, да?

Наверное, эти слова стали последней каплей, прорвавшей плотину моей выдержки. Всклипнув неожиданно для самой себя, я ответила:

— Неважно, простил он меня или нет. Важно, что я никогда не смогу простить сама себя, — впервые за это время открылась я другому человеку, сказав то, что мучает меня и убивает весь этот год. — И мне нужно либо научиться с этим жить, либо научиться от этого убегать.

— Иди сюда, малышка, — от сарказма в голосе Милены не осталось и следа.

Сев на край моего кресла и обняв меня поверх мягкого обволакивающего пледа, подруга позволила моим слезам мочить её изысканный домашний костюм из элитного шелка.

— Ну раз ты чувствуешь, что так надо, то беги, моя милая, беги. Только давай сделаем так. На свадьбу ты пойдешь. Обязательно. И выглядеть будешь на миллион, это я тебе обещаю. А в полночь, или когда у тебя там вылет? Исчезнешь, как виденье. Договорились? — задумала что-то эта хитрая бестия.

И, зная Милену, вряд ли что-то милое вроде сценария из сказки про Золушку.

Конечно, возвращаясь домой, я всю дорогу боролась с раздражающими меня в разные стороны эмоциями. Охваченная и радостью, и страхом одновременно, я не могла понять сама, чего я хочу больше — увидеть его, снова ощутив то нестерпимо волнительное покаяние в затылке, или постараться сделать так, чтобы наши пути не пересеклись до самого моего отъезда.

Но сколько бы я ни планировала, как бы скрупулезно ни подходила к распорядку своего дня, дабы избежать даже случайной встречи с Ильёй, у судьбы на меня были свои планы. Если и есть кто-то сверху, наблюдающий за мной, то он, должно быть, вдоволь нахохотался, глядя, как тщательно я старалась свести к нулю возможность столкнуться с Сумароковым лицом к лицу.

Глава 6. Илья

Это было сродни удару под дых. Резкая боль, зародившаяся в груди, словно яд распространялась по телу. Я оказался не готов. Я! Тот, кто всегда и везде готов на триста процентов ко всему! Тот, чья реакция быстрее вспышек зарницы, освещающей ночное небо. И я, зная, что рано или поздно пересекусь с Никой в кругу общих знакомых, чувствовал себя абсолютно подготовленным к этому. Но, чёрт возьми, что это за насмешка всевышней организации?

Никю почти не узнать! От прежней розовощекой красавицы осталась только тень. Худая, бледная, словно жизнь уже еле теплится в теле. Можно было, конечно, предположить, что Ника вдарилась в эти женские глупости и решила похудеть до состояния пленной рабыни. Но я же не на сенокосе её встретил с тарелкой в руках и капающей слюной от аромата свежескошенной травы, а в клинике. С белеющими перевязками на сгибах локтей обеих рук и одной кисти. Так много уколов и капельниц, или медсестра вену искала в трех местах? Она больна? Что случилось?

Ника остановилась у стойки ресепшена международной клиники, которую хорошо было видно с моего места в зоне ожидания. Расстояние значительное, и что ей говорит сотрудник, я не слышу. Но я отлично читаю ответы Ники по губам... по потерявшим былую сочность и краску губам.

“Нет. Это слишком дорого для меня”, — произносит Ника, виновато улыбаясь.

Дорого? Что тут может быть настолько дорого, что ей не по карману? Это обычная клиника среднего уровня, каких в Москве десятки.

Сегодня я привез сюда Эйну на полное обследование и консультации врачей. Каких-то обязательных вакцинаций от неё не требуется по нашему законодательству, но всё же я решил перестраховаться, ведь она впервые оказалась совершенно в другом климате, и мало ли какие опасности могут ей угрожать. Ещё свежа в памяти история, как британские волонтеры вывезли с острова Северный Сентинел пару аборигенов, и они очень быстро заболели и вскоре умерли оба. Вероятно, это произошло из-за болезней, к которым у них попросту не было иммунитета.

И даже для меня, не слишком богатого парня, полный чекап* в этой клинике был по вполне разумной цене. Неужели у мультимиллиардера Алекса Брауна нет денег на любимую женщину? Тем более когда речь идёт не о новой дизайнерской сумочке, а о здоровье!

“Спасибо, но ни рассрочкой, ни кредитом я тоже сейчас не смогу воспользоваться”, — продолжает отбиваться от менеджера клиники Ника.

А я продолжаю закипать. Я был абсолютно готов увидеть красавицу с роскошными волосами. яркими сияющими глазами и нежной улыбкой. Я был абсолютно готов сохранять спокойствие и создавать видимость, что все в прошлом. Всё забыто. Всё прошло. Но я не был готов увидеть облеслую худосочную пигалицу, тощими пальцами перебирающую банковские карты в кошельке. Не был готов увидеть едва живую искорку вместо безумного пламени жизни внутри.

Ну и подлая же эта небесная канцелярия, подкинувшая мне такой поворот. В моих планах было найти среди одинаково сделанных наштампованных лиц столичных девушек какую-то одну настоящую, с богатым внутренним миром... Но я не просил, чтобы внутренний мир вот так просвечивался через бледную кожу! И тем более не просил, чтобы это была та, в отношениях с которой поставлена самая жирная точка из возможных.

Бросив взгляд на часы, я разблокировал смартфон, пролистывая контакты в поисках номера сестры.

— Илюха, спаси меня! — почти шепотом взмолилась Санька, не успел я и слова сказать.

— Сама этого мажора выбрала, я-то здесь при чем? — отмахнулся я, разумеется, отчетливо понимая, что ни в каком спасении Александра не нуждается, попросту капризничая, как все бабы перед свадьбой.

— Да мажор у меня по струнке ходит! — фыркнула Санька. — Ты от будущей свекрови меня спаси! Она, кажется, не свадьбу готовит, а как минимум коронацию! Я хочу сбежать с этого брифинга, он меня утомил!

Ничего удивительного. Учитывая родословную титулованных Бертранов, откуда родом будущая свекровь моей сестренки, — свадьбу единственного наследника они отгрохают такую, чтобы всё болото светского бомонда шампанским забрызгало.

— Ладно, — протянул я, словно и не собирался просить её об одолжении. — Приезжай в клинику, только быстро. Подменишь меня, у меня срочное дело появилось.

Пока Сашка добиралась, Эйна успела сдать все анализы и посетить целый ряд кабинетов. Ника тоже мелькнула в дальнем конце коридора, скрывшись за дверями выхода к лифтам. Значит, она наблюдается не на этом этаже, где в основном ошиваются здоровые люди, проходящие осмотр по какой-то необходимости.

— Это кошмар какой-то. Карета! Представляешь? Она хочет, чтобы к месту регистрации меня привезли на какой-то телеге, из которой я вывалюсь, словно тыква, учитывая то платье, которое ей нравится! — плюхнувшись в кресло по соседству, без предупреждения вывалила Сашка.

— Тыквы это вроде на Хеллоуин, а не на свадьбу, — практически не слушая Сашку, просканировал я пространство, собираясь быстро исчезнуть незамеченным.

— И ещё она хочет, чтобы все гости пришли в черно-белом! Представляешь, что могут выкинуть Борзовы? Придут в тюремной униформе восьмидесятых! В полоску! Зуб даю! — продолжался разговор слепого с глухим.

Борзовы. Этих безбашенных псов не остановит сам черт. Они сами будто с цепей преисподней сорвались.

— А про Нику слышала что-нибудь? — раз уж зашел разговор о старых друзьях, спросил я.

— Липнову? Да ничего... Алекс её вроде бросил, и она почти перестала появляться на праздниках всяких. Кажется, даже на день рождения Тохи не приезжала... или приезжала? Я не помню.

— Эйну дождись и домой отвези, — почти сквозь зубы процедил я, вставая.

Бросил? Когда? Как только добился, чего хотел, или как Ника заболела? Впрочем, какая разница! Оба варианта настолько подлы и низки, что планка в моей голове окончательно упала, а глаза налились кровью.

Офис Алекса Брауна — владельца крупнейшего холдинга и собственной армии службы безопасности — выглядел, как неприступная крепость на нескольких этажах Москва-Сити.

— Не такие шали рвали, — прищурился я, оглядываясь.

Внутри зданий комплекса был огромный технический узел, обслуживающий всех этих богатеев днём и ночью. Повсюду сновали рабочие в брензированной экипировке, занимаясь своими повседневными обязанностями. Вот их обитель мне и нужна.

Я умею оставаться незаметным даже под присмотром десятков камер и целого батальона вооруженной охраны. Для этого мне даже не нужны гипнотические способности, которыми и вовсе можно подавить любую волю.

Накинув куртку рабочего из какого-то шкафчика и натянув кепку по самые брови, я подхватил алюминиевую лестницу-стремянку. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы проникнуть в само здание и, не доходя до турникетов, скрыться в лабиринтах узких коридоров коммуникационного сектора.

Немного поглазев на схему вентиляции, уже через минуту я поднимался по служебной лестнице на нужный этаж. Конечно, я не рассчитывал, что мне гостеприимно распахнут двери во владения богатого ублюдка, отчего последние мои передвижения были уже не столь ком-

фортны. Пришлось попотеть, вскрывая решетку вентиляции и преодолевая остаток пути уже по-пластунски.

В коридоре к кабинетам Алекса одного охранника всё же пришлось вырубить, дождав-шись, когда он окажется в слепой зоне камеры, но это уже побочный эффект. Воспользовав-шись его ключ-картой, я проник в приёмную и остался ждать биг-босса.

— Ничего себе, какие люди! — лучезарно улыбнулся Алекс, и эта его якобы искренняя улыбка кого хочешь может обмануть.

В моей голове вперемешку замелькали кадры, словно их смонтировал какой-то неумеха. Холеная физиономия миллиардера — лицо с запавшими щеками Ники; блеск довольных жиз-нью глаз Алекса — темные круги под некогда сияющими сапфировым блеском глазами Ники, пышущий здоровьем и силой Браун — ставшая тенью самой себя некогда самая красивая жен-щина вселенной.

— С чем пожаловал? — следуя своей привычке чуть склонил голову к плечу Алекс.

И этот его вечно высокомерный и снисходительный взгляд выбесил меня окончательно.

— Задолжал тебе вот это, — прозвучал мой голос хрипло.

Мой тяжелый кулак впечатался в челюсть Брауна настолько для него неожиданно, что он только в последнюю секунду успел чуть отстраниться, спасая тем самым свой жевальник от перелома.

Само собой, долго уговаривать на драку Алекса не пришлось. Он и в детстве-то не боялся покувыркаться в грязи с Борзовыми, мутузя друг друга так, что люди закрывали окна от под-нявшейся столбом пыли.

— Идиот! Из-за своей неоправданной ревности такую женщину потерял! — рывкнул мне в ухо Алекс, закрутив моё предплечье как в тиски. Не вырваться.

Я, конечно, не Бес, но тоже кое-что умею.

— Ты её у меня украл, сволочь, — парирую я, на пределе выкидывая ногу, и, засандалив говнюку пяткой в глаз, удовлетворенно хмыкаю.

— Нет, ну точно дебил! — меняя положение из лежащего в сидящего на полу своего офиса, возмущается Браун. — С какой стати у тебя? Мы с Никой встречались! Она моей девуш-кой была, а не твоей! Жениться собирались!

— И что же не женился? — тоже не вставая с пола, спросил я. — Поиграл и бросил, мудака! Ты хоть видел, во что она превратилась из-за тебя?

Изумление на лице Брауна было точно неподдельным.

— Нет, ну ты и кретин! Она из-за тебя усохла, пока ты где-то гастролировал, клоун! Переживала, потеряла аппетит и начались проблемы... как их там? Расстройства пищевого поведения, кажется.

Звучит вроде не смертельно. Вонзившаяся мне в затылок огненная стрела растворилась в потоке облегчения. Задницу пороть некому просто, получается? Чтоб из-за стола не выходила, пока тарелка блестеть не будет как у кота...

— Надеюсь, у тебя сегодня куча важных встреч, — расплылся я в притворной улыбке. — Выглядишь прелесть как отвратительно!

Вскочив на ноги, я собрался уйти, не прощаясь. Алекс следом за мной подниматься не спешил, продолжая прохладиться на полу.

— Да вали отсюда уже, пока тебя охрана не повязала.

Я почти уже скрылся за дверью, услышав последние слова Алекса, прозвучавшие в заты-лок:

— Скоро наступит твоя очередь искать, Призрак.

Я замер всего на секунду, услышав свой позывной, который известен очень маленькому кругу людей, и узнать его не так-то просто даже при возможностях Брауна всемогущего.

Значит, Браун меня искал. И искал очень старательно. Но зачем? И что значит — наступит моя очередь?

Но на вопросы уже не осталось времени. По коридору к приемной шагала девушка, плотно сжимая губы и сверкая глазами. Я надеюсь, она высокомерному засранцу добавку несет.

Чекап* от английского *check-up* — «проверка», «осмотр» комплексное профилактическое обследование организма.

Глава 7. Ника

— Кажется, наконец-то настал тот самый “другой раз”, — оскалился Виталик. — Зайдем пообедать?

Мы только что закончили съемку в одном из элитных районов Москвы, куда перебрался жить очередной блогер. Вчерашний школьник, заработавший состояние на том, что просто снимал и выкладывал кринжовые видео своих дурачеств. И теперь интервью с ним спешат опубликовать все кому не лень. И кому лень тоже — мне, например.

Почти весь рабочий день потратили, пока эта новая звезда вместо ответов на вопросы генерировала идеи и учила нас, как нам делать свою работу. Раз двадцать меняя сценарий и наряды в окружении команды в пару десятков человек.

И пока эти малолетки жевали бургеры и пили энергетики, нам с Виталей даже орешков не предложили. Поэтому, едва увидев вывеску ресторана, желудок моего видеографа определился с маршрутом сразу.

— Я не голодна, Виталь, — попыталась я отказаться.

— Да ладно тебе, Ник! Мы просто перекусим. Я целый день наблюдал в объектив, как эти ребята жуют! В какой-то момент даже планировал стащить картошку фри, чтобы слюни в кофр перестали капать! Составь компанию! Одному как-то... стремно в такой рестик.

Мне, наверное, тоже надо было поесть. Учтывая, что утром я выпила только чашку кофе, а сейчас уже шесть вечера. Чувство голода я испытываю редко и, по рекомендациям врача, должна ориентироваться по времени. Но я забываю об этом, лишь литрами поглощая кофе на протяжении дня.

— Платим каждый за себя, — сдалась я, пожалев голодного парня.

— Фух, я боялся, что ты захочешь меня угостить и потом повезешь к себе, потребуешь расплаты! — деланно изображая облегчение, ответил Виталик, распахивая передо мной дверь.

Рассмешил. У меня даже настроение поднялось после девяти часов пыток в хоромах свежевылупившегося мажора.

Атмосфера в ресторане была в основном спокойной. За несколькими столиками ужинали люди. Некоторые, как и мы, просто коллеги, забежавшие сюда после офиса. И только за одним столиком щебетала стайка молоденьких девушек, отмечая девичник одной из них, как я поняла.

— Искренне восхищаюсь твоей выдержкой, Ник. Честно. Другая бы на твоём месте этим малолеткам их камеры в... труднодоступные места сунула. А ты так терпеливо и спокойно ждала, пока им надоест заниматься ерундой вместо запланированного и утвержденного ими же интервью, — без умолку болтал Виталик в моменты когда рот не был занят едой. — Как тебе это удастся?

— Магний пью, — отвечала я изредка, конечно же, не испытывая никакого интереса в подобных беседах.

Мне редакция задание выдала. Я его сделала. Все. В дальнейшем как я не слышала об этом блогере, так и не собираюсь слышать. Их сейчас как грязи. И потухают так же быстро, как загораются.

Виталик снова посмотрел на меня так, словно я драгоценное произведение искусства.

— Даже если произойдет ядерный взрыв, ты будешь стоять и любоваться им, да? По привычке сложив руки на груди, задумчиво смотреть на ярко-рыжий гриб, пока отражающиеся в твоих красивых глазах языки пламени не поглотят и тебя. Почему? Ник? Почему ты такая? — последний вопрос прозвучал таким мученическим тоном, что заставил меня на нем сконцентрироваться.

— Я обычная, Виталь. Среднестатистическая...

— Нет. Это неправда. Они кальяном чуть ли тебе в лицо не пыхтели, а ты и бровью не повела! Это магнулю тебя надо пить, чтобы достигнуть высший уровень дзена!

Скучно. Мне дико скучно и неинтересно практически всё, Виталик. Но тебе не понять. И хвала всем богам, что мне не пришлось произносить это вслух. Шум за соседним столиком с девичником начал превышать уровень приличия, отвлекая моего коллегу от беседы.

— Успокойтесь, девочки! Держите МЕНЯ в руках! — донеслось и до моего уха.

Что-то переполошило девчонок настолько, что они весело выкрикивали комментарии на весь ресторан.

— Я замужем! Замужем! Господи... откуда у меня столько грешных мыслей?

Люди за соседними столиками тоже оживились, улыбкой реагируя на забавных подружек.

— Девочки, сохраняем панику и не поддаемся спокойствию! — продолжали игриво выкрикивать юные особы, явно пытаясь привлечь чье-то внимание.

— Ни стыда, ни совести, ни телефончика! — хихикнула даже та, что всё время сидела тише воды.

Тут даже мне стало интересно, кому это они посылают свои лучшие улыбки, выпячивая зону декольте.

Обернувшись, я была готова увидеть кого угодно, только не его. Как же хорошо, что дожевала лист салата за секунду до этого, иначе он остался бы свисать из моего открытого рта.

Прямо по центру зала стоял Сумароков. Высокий, загорелый, подтянутый. Черные брюки-карго заправлены в берцы с высокой шнуровкой, такая же угольно-черная футболка с коротким рукавом облепила торс, словно вторая кожа. Густая шевелюра небрежно зачесана набок. Он словно воин с постеров фантастических фильмов Голливуда.

Белоснежная улыбка на смуглом лице и ярко-синие глаза добибли подружек окончательно.

— Мужчина, ну как вам не стыдно наше безобразие провоцировать? Берите свою спутницу и возглавьте этот водевиль! — окончательно раскрепостились девочки, видя, какой смех подняли на всё заведение.

Спутницу? Черт, я так поспешно отвернулась, что вообще, кроме Ильи, никого не заметила. И за эту долю секунды у меня едва сердце не выпрыгнуло.

— А-а-а, то есть тебе нравятся парни покрупче? — не держался язык за зубами у Виталика. — Или не нравятся? Ты что, под стол залезть собралась? Чего скукожилась?

— Господи, да замолчи ты! — зашипела я.

— Поздно! Они идут сюда, — нагнувшись над столом, прошептал Виталик.

Я даже обратно выпрямить спину не успела, как над головой прозвучало:

— Ника? Привет, неповторимая моя, — мягким бархатом обволокло меня по самую макушку.

“Неповторимая, несравненная, единственная” — этих эпитетов в мою сторону он знал миллион. Вот только сейчас в хриплом голосе нет ни капли того тепла.

— Привет, Илья. Искренне рада, что ты вернулся, — постаралась я собраться и не выдавать себя с потрохами.

Но вряд ли получилось. Мои глаза уже вовсю жадно шарили по его лицу. Он изменился. Возмужал. Появившийся за этот год шрам, пересекающий правую бровь, и небрежная щетина придавали Илье брутальности. Чего не было еще год назад на просто смазливой мордахе. События, через которые он прошел, не просто оставили отпечаток — они изменили его, сделали сильнее, увереннее и... безжалостнее.

Казалось, мы молча пожирали глазами друг друга вечность, будто восстанавливая в памяти всё до последнего лучика мимических морщин.

— И я рад. Что у тебя все хорошо, — перевел взгляд Илья с меня на Виталика.

— Виталий. Коллега Ники. Я видеограф. Забежали вот пообедать после съемок, — зататорил Виталик, вскочив и протянув раскрытую ладонь Илье.

Пока мой болтливый и трусливый коллега сотрясал руку Сумарокова, я перевела взгляд на девушку, тихо стоявшую рядом с Ильей. Разумеется, и с одного взгляда было понятно, откуда он её привез. Учитывая исходные данные, что он на днях вернулся с Черного континента.

Встретившись взглядом с карими глазами девушки, я почувствовала себя неудобно, настолько пристально она вгрызалась мне в лицо своими почти черными пропастями, в которых радужки буквально сливались со зрачками.

— Здравствуйте, — произнесла я, желая побыстрее избавиться от этих ощущений, настолько мне стало не по себе.

— Эйна не говорит по-русски, — вместо девушки ответил Илья и взял это хрупкое создание за руку.

И это сработало каким-то катализатором всего апокалипсиса, что творился в моей душе этот год. Просто женская ладонь в ЕГО руке. И в уснувшей, застывшей душе просыпается вулкан. Все тревоги, переживания и даже чувство вины частично смыло волной цунами новых зарождающихся чувств, которым я пока ни объяснения, ни названия не находила.

— Что ж, я думаю, это даже к лучшему. Ты же не привык спрашивать у девушек, чего они хотят, для тебя важны лишь твои желания, — ядовито улыбнулась я.

Ох, вот ведь дура! Ведь не хотела я ворошить прошлое! Уверена была, что при встрече смогу вести себя достойно!

Мгновенно лицо Сумарокова изменилось. Синяя радужка глаз темнела со скоростью звука, вспышки ядовитых язычков пламени заплясали хороводом, производя почти гипнотический эффект.

— Да, моя ненаглядная. Только мои желания имеют значения. Теперь, — жестко произнес он, делая акцент на последнем слове.

— Вот и славненько. А то я уж разволновалась, что побежишь за соседний столик и, не жалея себя, будешь безобразие там нарушать и болтать ерундой ради первых встречных! — кивком указала я на неугомонных девиц, продолжающих звать Сумарокова присоединиться.

— Не волнуйся, Липнова. Моя ерунда с первыми встречными общается исключительно в надлежащем виде!

Не знаю, какую глупость я бы еще успела сморозить, если бы не поперхнулся Виталик, закашлявшись так, что даже куропатки эти на девичнике прижухли.

— Ничего не меняется, Липнова, да? Сидишь на свидании с одним, а смотришь на другого, — презрительно выплюнул Сумароков.

— На того же самого, — напомнила я придурку.

— Ошибаешься. Того больше нет, — зло бросил Илья и наконец-то освободил пространство.

Несчастный Виталик даже возразить не мог, покраснев как рак и хватая ртом воздух, когда удалось откашляться.

— Той Липновой тоже больше нет. Она запечатана в разбитом зеркале навсегда, — ответила я, глядя в ничего не понимающие глаза своего видеографа.

Судя по измученному и ошалелому виду Виталика, — больше на свидание он меня не пригласит. Хоть один профит от этой встречи.

Глава 8. Илья

— Ты до сих пор её любишь? — спросила Эйна, сидя в такси по пути домой.

И её вопрос меня злил. Точнее, злили меня сами обстоятельства встречи с Никой и моя собственная несдержанность. А ведь обещал себе, что всё будет иначе. Что перевернута страница и нет никакого смысла возвращаться в прошлое.

— Я не собираюсь обсуждать свои чувства ни с тобой, ни с кем бы то ни было ещё, Эйна, — резко ответил я, давая понять, что не стоит даже пытаться влезть мне в душу, в голову, в сердце.

Там не просто заперто — заколочено намертво. И точка.

— Извини, — пропищала Эйна, хлюпая носом.

Обиделась, мать вашу! Что же женщины за народ такой бестолковый? Сами свои носы суют куда не просят, сами себе придумывают что-то невообразимое и потом слёзы льют, губы дуют.

— Отставить слёзы, Эйна! — рыкнул я, не собираясь испытывать чувство вины за её надуманную обиду. — Последний раз предупреждаю! Ещё раз увижу подобную сцену — куплю билет обратно. Не создавай мне лишних проблем.

Слишком жестко? Плевать! Безжалостно, недружественно и неэмпатично? Плевать трижды! Я ни в няньки, ни в жилетки не нанимался. И так сделал достаточно много и планирую сделать ещё больше для этой девчонки.

— Угу, — послышалось сбоку согласие.

Так то лучше.

То что Ника пострашнела — будем называть вещи своими именами — никак не повлияло на то, что мужчины проявляют к ней повышенный интерес. Но уже более взвешенный, не основанный лишь на внешних данных — чему подтверждение её коллега. Возможно, количество ухажеров и поубавилось, но теперь повысилось качество. Ведь те, кто узнают какая Ника на самом деле, как человек, как личность, — попросту не смогут остаться равнодушными. Особенная. Неповторимая. Единственная...

“Вот только давай без этих соплей, Призрак!” — злобно фыркнул я мысленно, запрещая себе окунаться в этот омут, из которого едва смог выбраться.

В доме родителей опять собрались будущие родственнички под предлогом обсуждения предстоящего торжества. Под предлогом — потому что на Бертранов работает целое агентство, занимающееся подобными мероприятиями. И нет никакой необходимости торчать в нашей гостиной каждый вечер. Тем более не просто двумя семьями, а всей этой шайкой лейкой закладных старых друзей моих родителей.

— А помните, как я от Борзова удираю из вашего дома? — весело щебетала мать самых несносных из моих друзей. — И что тут творилось потом! Перестрелки, взрывы, криминал! Как же хорошо, что времена изменились и наши дети не видят этих ужасов. Ой, то есть ваши! Мои-то парни все в отца!

— Да ладно тебе, какие ужасы? Весело же было, — улыбнулась моя мать. — И потом, если бы не подстрелили тогда твоего Борзова, как бы ты приручила этого волка-одиночку? Слонялся бы до сих пор с зубочисткой в зубах по малинам.

— Кто, я? Да если бы он меня тогда сидром не напоил и полосатышами этими своими не навливал, я бы ни в жизни в такое не вляпалась бы! — возмущалась Александра Борзова.

Сам Борзов-старший лишь криво усмехнулся, снова опуская руки на клавиши старого рояля. Какой трогательный и романтичный бывший снайпер, не ставший менее опасным с годами. Уж не знаю, кто там кого приручал и спаивал, но эти истории безбашенной молодости родителей я слышал не раз.

Воспоминания перетекли в споры о каких-то событиях, и мама полезла в шкаф за толстыми альбомами с фотографиями. В современном мире такие сборники застывших во времени кадров кажутся уже чем-то архаичным. В то время, когда каждый кадр был на вес золота, их бережно хранили, собирая в подобных альбомах калейдоскоп улыбок длиною в целые жизни.

— Вот не соглашусь с тобой, что дети наши живут менее захватывающе. Илюшка вон наш в бедные африканские страны ездит волонтером, — продолжали беседовать мамы, а я покосился на отца.

Непроницаем, как всегда. Ни одна мышца на лице не дрогнет без его на то желания. Оттого и сердце матери не изнашивается раньше срока. Знай она, в какие опасные игры мне приходится играть на чужой земле, — её красивые волосы давно бы покрылись серебром. А вот Кирилл Сумароков — мой отец — знал все не понаслышке. Когда-то он был легендой в том скрытом от большинства людей мире, где теперь бываю и я. На тех особо засекреченных базах, информацию о которых невозможно найти ни в каких источниках.

Наверное, этот вечер так и остался бы похожим на тысячи других, проведенных в компании друзей родителей. Таких, какими я их помню, они были с самого детства в этом доме. Шумных, веселых и теплых.

— Посмотри, какая Ника тут! Как с картинки малышка! А Илюшка смотрит на неё, как кот на сметану! — откопали в своих артефактах мамы фотки с какого-то праздника в соседнем доме Бертранов.

Дальше воспоминания ушли в сторону наших жениха и невесты, с детства живущих по соседству. И про ту фотографию, где Ника в белоснежном воздушном платье, и я, не сводящий с неё восхищенного взгляда, тут же все забыли.

Но именно она стала отправной точкой последующих событий, как выяснится намного позже. А сейчас я даже заметил, насколько заинтересованно разглядывала Эйна подробную историю моего детства и юности, запечатленную на множестве снимков. В этот момент мне её любопытство не показалось чем-то неуместным, чем-то, что могло бы привести к трагедии.

Душевные посиделки под звуки классической музыки в исполнении Борзова плавно перетекли в застолье, и я уже собирался уходить спать, когда окна нашего дома осветили фары въезжающего во двор автомобиля.

— Кто это так поздно? — заволновалась мама, застыв со столовым ножом в руке и щурясь в темноту за окном.

— Кто бы это ни был, я бы не советовал ему тебя злить, — хохотнул Борзов, насмешливо изгибая бровь.

— Это Алекс, мам. Браун, — сидящая ближе всего к окну, сообщила Санька и перевела взгляд на меня.

Никто из близких не был посвящен во все тонкости наших сложных взаимоотношений в бывшем треугольнике, но, разумеется, все догадывались, что наше соперничество давно эволюционировало из детских шалостей в серьезное противостояние.

— Он ко мне, наверное, — поспешил я, вставая и направляясь к двери.

Я не был в этом уверен. Но то, что Браун не предупредил о визите, не согласовал его через кучу своих секретарей и не спешил войти в дом и поздороваться с хозяевами, было странно. Оттого и мои предположения, что он приехал выставить мне счет за разбитое лицо, в моменте показался мне наиболее вероятным.

Но самым странным было то, что он приехал один. Без группы сопровождения своей армии телохранителей. Хотя, зная возможности Браунов, не удивлюсь, если они уже весь наш поселок в кольцо держат.

— Только не говори, что из-за фонаря под глазом ты упустил важный контракт. Денег у меня всё равно нет. Но могу подарить уникальную заживляющую мазь на мавританских травах,

— подходя ближе к одиноко стоящей фигуре у автомобиля класса люкс, сразу обозначил я приемлемые для меня размеры компенсаций.

Херр Браун оскалился.

— Приятно, что ты так волнуешься о моём реноме, но дело обстоит иначе. Я обещал одной прекрасной особе, что выпишу тебе чек за доставленное удовольствие лицезреть мою разбитую физиономию, — сказал Алекс, и в его как обычно ледяном спокойствии не было ни намека на обиду.

А вот во мне зла на Брауна хоть отбавляй. И эта его способность расчетливо и хладнокровно относиться буквально ко всему на свете меня тоже подбешивает.

Однако что-то в нем изменилось за год моего отсутствия. Что-то пока неуловимое, неосознаемое. Но крайне важное.

— Действительно прекрасная, раз знает толк в экстремальном искусстве. Познакомишь? — наигранно изобразил я дружелюбную улыбку.

И попал. Не целясь.

Алекс помрачнел, так что его фингал почти слился с лощеной мордой. Занервничал, что тоже для этого айсберга было из ряда вон.

В эту секунду я уже понял, что случилось что-то весьма серьезное. Что-то, с чем не могут справиться миллиарды, власть и связи. Что-то, в чем может помочь только такой, как я. А значит дело дрянь.

Последующие слова Алекса стали только лишним подтверждением того, что я увидел в глубинах его души.

— Мне нужна твоя помощь, Илья, — вонзились мне в лицо осколки льда в голубых глазах напротив.

— На свете существует что-то, что Браун всемогущий не может решить сам? — сопротивлялся я до последнего, хотя уже понимал, что Алекс не из тех людей, кто придет лично просить о помощи без крайней необходимости.

Сомневаюсь, что он до сегодняшнего дня вообще кого-либо о чем-либо просил.

— Не существует. Но не так быстро, как это может сделать Призрак, — сделал акцент на моем позывном Алекс. — А время в этом случае решающий фактор.

Глава 9. Ника

— Галлюцинации были? — продолжала спрашивать врач, щелкая клавишами.

— Галлюцинации? Ну... я же говорю. Поначалу я вообще думала, что проснулась и иду в ванную. Немного в тумане все как будто, но я не придавала этому значения, подумав, что ещё раннее утро и глаза спросонья еще, как говорится, не продрали. Толкаю дверь и понимаю, что не чувствую рукой её поверхность. И в следующую секунду осознаю, что я не вставала, что продолжаю лежать в кровати.

— Это мы уже выяснили. У вас случился сонный паралич. Сознание проснулось, а тело продолжает спать. Жуткое состояние, понимаю. Я имею в виду, чувствовали ли вы или видели кого-то постороннего рядом? — взглянув на меня поверх очков, уточнила психиатр.

Ну да. После случившегося утром я решила, что у меня поехала крыша. О существование такого состояния, как сонный паралич, я не знала до сегодняшнего утра. И то, что врач называла это просто “жутким состоянием”, слабо отражает действительность. То, что я ей описала, повторилось не раз и не два. В течение длительного времени я выходила из комнаты, даже включала воду в раковине, открывала шторы, но... только в своей голове. На деле я оставалась лежать неподвижно в кровати. И даже век поднять не могла. Не работала ни одна мышца в моём теле, и когда я это поняла, то тот всепоглощающий ужас ощущения себя запертой в собственном теле, как в гробу, накрыл адской панической атакой. Начало казаться, что и дышать я больше не могу, воздуха не хватает, а сердечная мышца сокращается как бешеный насос.

— Нет, я одна живу, — нахмурилась я. — Это собственно и пугало больше всего. Ведь помочь некому.

Если бы у меня еще и такие галлюцинации были, я бы точно умерла от страха, не имея возможности даже закричать. Когда моя начальница Вера Павловна открыла дверь своим ключом, подняв на уши весь офис из-за моего отсутствия, кричать начала она. Прямо с порога. Ругала на чем свет стоит. Особенно когда увидела, что из всех необходимых действий, приводящих людей на работу по утрам, я только лежу в направлении офиса.

— Это плохо, — пробубнила врач, но, увидев страх на моем лице, поспешила исправиться. — Не переживайте вы так. От сонного паралича не умирают. Просто легче всего прервать это состояние, прикоснувшись к пациенту. Нужен кто-то рядом, кто быстро избавит вас от мучений в случае рецидива.

Да. Так и было. Я слышала крики Веры, но губы не слушались и ответить я ей не смогла. Но стоило ей войти в спальню и дотронуться до моего плеча, я сразу “включилась”. Легко, безболезненно. Как будто просто проснулась. Вот только проблема была в том, что я не спала. Что потом и пыталась доказать начальнице, которая была убеждена, что я первый раз в жизни проспала.

— Старайтесь засыпать на животе или боку. Исключите вредные привычки, кофе. Нормализуйте полноценное питание и жесткий режим сна, — наговорила мне кучу рекомендаций врач, не назначив ни одной пилюли.

То что меня не упаковали в смирительную рубашку и не увезли в дом с интересной компанией, уже радовало. Не радовали очередные аргументы Верочки Павловны.

— Нельзя тебе уезжать, Ника! Представь, сколько тебе бы пришлось так еще пролежать, если бы сегодня мы не ждали тебя на верстку? А если там такое случится где-то в пустыне или джунглях? С археологами потом твою мумию искать?

— Какую еще мумию? Врачиха сказала, что это не смертельно и приступ проходит самостоятельно. Просто ты приехала раньше...

Я немного недоговаривала. Врачиха-то как раз удивилась, что мой приступ продлился слишком долго и ни звенящий будильник, ни другие звуки не помогли моему мозгу понять, что пора отдавать команду “подъем” всему телу, а не только запертому внутри сознанию.

— Так, дорогая. Сегодня же сдаешь все дела и берешь две недели отпуска, поняла? Чтобы до вылета ты у меня выпалась, отодрала бока и... квартиру в порядок привела! А то я как вошла к тебе, решила, что ты просто к полу прилипла и поэтому выйти не можешь!

— Слушаюсь, мой генерал! — выдала я самую лучезарную улыбку из всего арсенала.

— Ой, кому ты чешешь? Ты слушаешь, только когда дело касается твоего перевода в международку, — махнула рукой Вера, покидая мой скромный уголок в опенспейсе.

— Угадала, после слова “вылет” я тебя уже не слушала, — сообщила я тихо в спину Верочке.

Впрочем, решению Вер Палны я была рада сама. Две недели отпуска избавят меня от интервьюирования всяких неинтересных мне личностей, позволят больше времени уделить подготовке к длительной командировке и, самое главное, соблюдать рекомендации врача, чтобы избежать повторного приступа этого кошмарного состояния.

Но, как я говорила выше — как бы я ни хотела распорядиться своим временем, у судьбы были на меня другие планы.

Звонок Алекса застал меня выходящей из супермаркета. Вся увешанная пакетами с домашней химией и прочими щётками да тряпками, я собиралась с энтузиазмом отдраивать своё жилище по совету Верочки, однако настойчивость Брауна вынудила меня таки ответить.

— Алекс, если ты звонишь, чтобы сообщить мне о возвращении Сумарокова, то я уже...

— Я же тебе говорил, что такие, как он, способны из подполья самого дьявола выбраться. Зря переживала. Но звоню по другому поводу. Мне помощь твоя профессиональная нужна. — озадачил меня император.

— Моя? — удивилась я. — У тебя что, все пиар-менеджеры разом уволились?

— Это личное, Ник. Давай не по телефону, — ещё больше обескуражил меня Браун.

В своё личное он никогда не пускал посторонних. А я уже год как числюсь в этой категории.

— Ладно. Могу подъехать к тебе в офис. Я с сегодняшнего дня в отпуске на две недели.

— А вот это как раз то, что нужно. Встречаемся в восемь тридцать у Стефи, — быстро отчеканил Алекс и, попрощавшись, повесил трубку.

Стефи — родная сестра Алекса. И полная его противоположность. Если Алекс скуп на эмоции, чаще всего закрыт и холоден, то у Стефании беззаботная улыбка не сходит с уст. Вкупе с её блондинистой шевелюрой это абсолютно всех вводит в заблуждение на ее счет. Всех, кто не знает лично этого самого гениального и авантюрного стратега клана Браунов.

Поэтому, едва услышав, что Стефи в теме, я, конечно же, не собиралась мучаться в догадках до вечера и сразу позвонила нашей непревзойденной интриганке.

— Привет, дорогая, — поднимая трубку, сразу поздоровалась Стефания.

— Приветик, — отозвалась я. — Я по поводу встречи вечером. Алекс звонил, но толком ничего не объяснил. Сказал, что дело личное и к тебе надо ехать.

— Правильно сказал. Жаждешь подробностей? — разумеется, без труда догадалась Стефи.

— Конечно. До восьми тридцати ещё куча времени. Я ж умру от любопытства. Что он от меня хочет?

— Ну... от тебя потребуется сгонять кое в какой городишко и взять интервью у одного неприятного типа. Остальное и правда лучше не по телефону, Ник, — лишь на миллиметр приоткрыла занавес сестричка императора.

— Звучит не очень заманчиво. И совершенно не ясна цель. И причина, почему именно я? — досадно проворчала я, расстроившись, что ничего не узнала и только ещё больше стала заинтригована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.